

Перед армянскими языковедами стоит важная задача изучения языка и стиля современной армянской художественной литературы и произведений армянских классиков. Из работ в этой области следует отметить работу Р. О. Костаняна, где исследуются языковые особенности советско-армянской прозы¹.

В будущем предстоит решить еще много лингвистических проблем, в том числе проблемы формирования и развития западноармянского литературного языка, вопросы отмирания габара, возникновения армянских диалектов, проблемы периодизации истории армянского языка, выяснения характера общности между языками, относящимися к различным языковым семьям, вопрос о взаимоотношениях языка и мышления и т. д. Лингвисты Советской Армении приложат все усилия для выполнения этих проблем.

Р. О. Костанян

МОЯ ТЕКУЩАЯ РАБОТА И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ *

Основной темой моих работ продолжает оставаться изучение деталей грамматического строя урартского языка древней Биайны. Имеющиеся на этом языке письменные памятники, находящиеся также на территории Арм. ССР, относятся к первой половине последнего тысячелетия до н. э. В них содержатся древнейшие сведения о Закавказье, его племенах и имевшихся здесь населенных пунктах. Язык этих памятников по своему грамматическому строю и лексическому составу может оказаться родственными языкам Кавказа и, во всяком случае, не является родственным семитическим языкам древнего Востока, ассирийскому и вавилонскому, использующим, как и урартский, клинообразную систему письма.

Издание текстов на урартском языке, проводившееся А. Сейсом с 1882 г. по мере их обнаружения², уже устарело. А. Сейс ограничивался транскрипционной передачей имевшихся фотографий и встампжей, остающихся в значительной своей части неопубликованными. Тем самым было затруднено более уверенное чтение самих текстов. Уточнения вносились позднее отдельными исследователями. Издание текстов на урартском языке, сопровождаемое фототипическими воспроизведениями наличных памятников, было начато К. Ф. Леманн-Гауптом³. Но оно осталось незавершенным из-за смерти автора незавершенным. Полный свод надписей, тщательно проверенных по оригиналам, дан несколько лет назад Г. А. Меликишвили. К издаваемым текстам добавлен указатель всех встречающихся слов во всех разновидностях написания их основ и используемых грамматических форм⁴. Фундаментальный труд Г. А. Меликишвили дал возможность привлечь имеющийся материал для всестороннего изучения грамматического строя урартского языка. Когда я приступил к детальному его рассмотрению по отдельным словарным статьям, мне прежде всего бросились в глаза особенности применения заимствованной у Ассирии графической системы силлабарного письма. Нужно полагать, что биайнский писец не был в состоянии передавать заимствованной системой графики все особенности фонетики родного языка. За это говорит тот факт, что писец прибегал к различным сочетаниям клинописных знаков для написания одного и того же слова. Он изображал дифтонги как двумя знаками с двумя гласными, так и с одним гласным; ср. *ka-i-u-ki*, *ka-u-ki* «предо мною»; *qi-u-ra-a-e-di*, *qi-ra-a-di* «в землю». Одинаковое чтение обоих начертаний основы слова *qiu-ra* «земля» подтверждается наличием обоих его написаний в одной и той же надписи (Релишин, строка 36 и 41) и т. д. Едва ли можно видеть здесь выпадение гласного, как предполагали некоторые исследователи. Больше оснований усматривать тут не фонетическое, а графическое явление.

Равным образом к числу графических особенностей следовало бы отнести также и часто встречающиеся повторения огласовок. Так, например, имя царя Аргишти пишется (в эргативном падеже) *Ar-gišt-ti-še*, *Ar-gi-š-ti-ti-še*. Основа собственного имени читалась *Argišt-ti*, но для ее написания во втором примере использованы силлабарные знаки без чтения исходного гласного, что привело к провазномению слогового знака

¹ Р. О. Костанян, Очерки о языке и стиле советско-армянской прозы последнего десятилетия (1945—1955), Ереван, 1957 (на арм. яз.).

* Редакция обратилась к акад. И. И. Мещанинову, которому в ноябре текущего года исполнилось 75 лет, с просьбой поделиться своими научными планами. Ниже публикуется ответ И. И. Мещанинова.

² См. A. H. S a y c e, The cuneiform inscriptions of Van, «The journal of the Royal Asiatic society of Great Britain and Ireland», 1882, 1888, 1893, 1894, 1900 и сл.

³ C. F. L e h m a n n-H a u p t, Corpus inscriptionum chaldicarum, Berlin — Leipzig, Lief. I — 1928, Lief. II — 1935.

⁴ См. Г. А. М е л и к и ш в и л и, Урартские клинообразные надписи, ВДИ, 1953 — №№ 1—4, 1954 — № 1.

одним согласным. Такими примерами изобилует урартская письменность. Ср. *badu-sie* «величественный»: *ba-du-si-e*, *ba-a-du-u-si-i-e*; здесь нет оттенения долготы гласного. Ср. также *nirbi* «скот»: *ni-ir-bi*, *ni-ri-bi*. Для написания урарт. *nirbi* с его стечением согласных писцу пришлось передавать закрытый слог *nir* или двумя знаками *ni-ir*, или *ni-g* с чтением второго знака одним согласным. Таким образом, можно установить, что в биянской графике слоговые знаки местами читались как однозвучные. К такому заключению приводит анализ написаний одних и тех же слов, что в свою очередь помогает приблизиться к подлинному чтению основ словарного состава языка. Облегчается тем самым и сопоставление урартского с современными языками Кавказа, по крайней мере с теми из них, для которых урартский мог служить субстратом (ср. армянский, курдский и др.).

Не менее показательны те выводы, к которым приводит анализ самого грамматического строя урартского (биянского) языка. Наиболее детально этот анализ дан в работах И. Фридриха и А. Гётте. Наблюдения этих ученых учитываются Г. А. Меликишвили в прилагаемом им грамматическом очерке¹. Анализ строя изучаемого языка потребовал в первую очередь формального описания самой его структуры в части оформления слов, входящих в состав предложения, что и сделано названными исследователями. В результате предварительных исследований устанавливаются парадигмы склонения имен и спряжения глагола (морфология), отмечаются выделяемые особенности фонетического строя. Тем самым необходимая предварительная работа оказывается уже выполненной. Но на одном этом не заканчивается вся работа по усвоению содержания, вложенного в языковую структуру. Для уточнения основных свойств изучаемого языка одни описательные грамматики оказываются недостаточными.

Чтобы установить, что грамматический строй урарту и его лексика не соответствуют грамматическому строю и лексике ассирийского и вавилонского, чтобы выяснить, какое место занимает урартский среди других языков Кавказа и Передней Азии, нужно было выйти за пределы языка Бияны и прибегнуть к сравнению его структурных особенностей со структурными особенностями других языков, прослеживая в них как схождения, так и расхождения. Тем самым упор приходится перенести на типологические сопоставления. В этом новом направлении исследовательской работы внимание сосредоточивается на типовой стороне привлекаемых к сравнению языковых структур. На очередь ставится изучение типов языковых структур каждого в отдельности и изучение их же в проводимых сопоставлениях. Тут возможен различный подход к изучаемому материалу. Можно останавливаться на всем целом, прослеживая взаимоотношения слоговых единиц языка; можно исследовать те или иные его основные раделы. Для выбора одного из этих путей нужно уточнить, что именно вкладывается нами в понятие структуры языка и какой материал ложится в основу сравнительной типологии. Нужно решить, привлекаются ли для этого языковые структуры по входящим в них отдельным грамматическим категориям или же по всему их комплексу, точно установленному в составе структуры.

Основываться только на морфологии оказывается далеко недостаточным, на что уже указывалось в научной литературе. В структуральном плане рассматривается не только оформление слов, но и их значение². Как морфема, так и лексическая единица имеют свое определенное назначение в языке и выполняют соответственно определенные функции. Семантика слова, выступающего в предложении, влияет не только на свое собственное грамматическое оформление, но и на те отношения, которые устанавливают между словами в предложении, следовательно, и на их грамматическую форму. Лексика занимает в строении языка свое определенное положение, но она уже не занимает в структуре языка совершенно обособленного места. К подобному выводу приходит Ф. де Соссюр. Он не согласен «с тем более узким определением, которое обычно дается грамматике... под этим названием принято объединять морфологию и синтаксис», а лексикология, иначе наука о словах, из грамматики выключается вовсе³. Ф. де Соссюр находит это неправильным, так как «с точки зрения функции лексикологический факт может сливаться с фактом синтаксическим»⁴. Н. Я. Марр, еще до опубликования работ де Соссюра, возражал против установившегося узкого определения грамматики и делал значительный упор также и на лексику.

Типологические сопоставления приводят к тому же выводу, позволяя подтвердить то положение, что лексическая единица может по своему значению сливаться с синтаксической. В ряде языков лексическая семантика обуславливает синтаксическое построение целого предложения, устанавливая грамматическую форму его главных членов — подлежащего и сказуемого; ср., например, в аварском языке Дагестана Подлежащее в аварском ставится не только в именительном падеже, но и в косвенных в зависимости от семантики глагола: *Вац рокъовъ еуссана* «Брат домой вернулся» (глагол переходного действия, подлежащее *вац* стоит в им. падеже); *Вацас тур бекъана* «Брат поле пахал» (глагол переходного действия, подлежащее *вацас* поставлено в твор. падеже); *Вацасе жиндиреъ лъимер бокъула* «Брат своего ребенка любит» (глагол чув-

¹ Г. А. Меликишвили, указ. соч., ВДИ, 1953, № 1.

² См. об этом доклад Л. Ельмслева на VIII Международном конгрессе лингвистов («Reports for the Eight International congress of linguists», vol. II, Oslo, 1957).

³ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 130.

⁴ Там же, стр. 131.

ствования, подлежащее *вацасе* в дат. падеже); *Вацасда жиндирго амен витьана* «Брат своего отца видел» (глагол восприятия, подлежащее *вацасда* получило окончание мести. падежа). В урартском языке равным образом от семантики глагола зависит падеж подлежащего. Ср. *Menuase ini pulusi kuguni* «Менуа эту стелу воздвиг» (переходный глагол, подлежащее *Menuase*); *ustabi Menuani* «выступил Менуа» (непереходный глагол, подлежащее *Menuani*). Строй языка Биайны (урартский) в этом его положении уточняется типологическими сопоставлениями, устанавливающими схождения и расхождения. В урартском, как и в аварском, от семантики глагола зависит падеж подлежащего. В зависимости от семантики глагола устанавливается его же грамматическая форма по двум указанным моделям, образующим две парадигмы спряжения (переходную и непереходную). В урартском языке глагол, управляя падежом подлежащего, вступает с подлежащим в соответствующую отношения, меняя свои личные окончания, согласуя их с числом действующих лиц. Но в урартском нет такого разнообразия в падежах подлежащего, как в аварском, в котором глагол, в отличие от урартского, не имеет личных окончаний и благодаря этому сохраняет одностороннее управление падежом подлежащего.

Можно сопоставить строй предложения с переходным действием в урартском и аналогичное явление в чукотском. В обоих этих языках выделяется падеж активно действующего лица (производителя), но его грамматическая форма различна: в чукотском в этом положении выступает творительный падеж, в урартском используется с той же функцией специальный активный падеж (-*že*), тогда как творительный в урартском не мог быть падежом подлежащего и используется только в значении инструментального и исходного; таким образом, творительные падежи названных двух языков различны не только по своей грамматической форме, но и по своей функции. Равным образом и глагол в чукотском и урартском языках согласуется своими показателями с подлежащим и прямым дополнением; эти показатели, в свою очередь, также различаются не только грамматической формой (морфемой), но и синтаксической функцией. При имеющихся схождениях (эргативный строй предложения в обоих языках) выступают также и значительные расхождения, которые устанавливаются сопоставлением сложившихся структур языков, привлекаемых к сравнению.

Обратимся к чукотскому предложению переходного действия: *Гымнан ты-лаа-нат орыт амнун'кы* «Я оставил нарты в тундре». Объект *орыт* «нарты», стоящий в абсолютном падеже, занимает место прямого дополнения, глагол *ты-лаа-нат* согласован с ним посредством своего суффикса *-нат*, а при помощи префикса *-ты-* он же согласован с подлежащим, поставленным в творительном падеже (*гым-нан*). Здесь имеет место субъектно-объектное спряжение, при помощи которого в данном языке оформляется переходный глагол во всех его лицах и числах, но тот же переходный глагол, когда ослабевает степень его переходности, как увидим ниже, имеет субъектное спряжение по непереходному типу.

В урартском, в отличие от чукотского, переходный по семантике глагол всегда сохраняет за собою полную вложенного в него содержания переходного действия и потому не может иметь грамматической формы непереходного глагола. Но переходность действия передается как посредством субъектно-объектной суффиксации, так и посредством одной объектной или даже одной субъектной по специальной парадигме спряжения переходного глагола. Обратимся к примерам: *kieidanuli AMELU huradanieli... MATUebanihaitu A'LU^{mes}...* (*harharšituli* «Я послал войнов... страну они захватили, города... разрушили») (Сард, летоп. В, строка 28—32). В одной и той же фразе оказались три переходных глагола, но они получают различное оформление. Один из них поставлен в субъектно-объектном спряжении (*-itu-li*: *harharš-itu-li* «разрушили-они-их»), другой стоит с одним субъектным показателем 3-го лица множественного числа (*-itu*: *ha-itu* «захватили-они»), третий имеет лишь показатель объекта во множественном числе (*-li*: *kieidanu-li* «отправил-их»).

Приведенный пример указывает на то, что решающим в оформлении урартского переходного глагола является число субъекта. Оно управляет глагольной формой. При множественном числе действующего лица переходный глагол получает субъектно-объектную и субъектную форму: *ha-itu* «[войны] захватили-они», *harharš-itu-li* «разрушили-они-их». При единственном числе действующего лица глагол имеет лишь показатель объекта: *kieidanu-li* «[я войнов] послал-их»; в этом случае используется объектное спряжение. Здесь подлежащее при любом числе объекта остается в одном и том же падеже (на *-že*):¹⁰ *Menua-že... ini susi židištu-ni* «*Haidinili BABU-li židištu-ali ini E. GAL židištu-ni* «Менуа... это (культовое) здание соорудил, Халдовы врата соорудил, эту цитадель соорудил» (надпись Кокбанц, строки 2—5). В этом примере глагол *židištu-ni*, *židištu-ali* имеет объектные показатели в единственном и множественном числах — «соорудил-его», «соорудил-их». Подлежащее же остается в одной и той же грамматической форме. Ср. *iēše ini pile agu-bi* «Я этот канал провол» (надпись Катепац, строка 10); *iēše inili ebanili... ašgu-li* «Я эти страны... одоле» (надпись Кологран, строки 2—3).

Посредством оформления глагола сказуемое оказывается связанным с подлежащим и прямым дополнением. Для передачи устанавливаемых между ними отношений в урартском языке используются соответствующие вербальные и именные грамматические формы, в которых получает свое отражение лексическое значение глагола.

В соответствии со своим лексическим значением глагол получает ту или иную грамматическую форму, которой отвечает грамматическая форма подлежащего. Прямое дополнение остается всегда в именительном падеже, тогда как подлежащее не имеет единого падежного окончания. Непереходный глагол, получая свою парадигму спряжения, сочетается с именительным падежом подлежащего: *ušta-bi^m Menua-ni* «выступил Менуа». Переходный глагол имеет другую парадигму спряжения, и подлежащее при нем ставится в активном падеже: *^mMenua-še ini Ê CAL šidištu-ni* «Менуа эту цитадель воздвиг». Имеющиеся две парадигмы спряжения точно различаются в соответствии с семантической той или иной лексической единицы. Субъектный показатель переходного глагола в 3-м лице множественного числа (-*itu*) не соответствует такому же показателю субъекта непереходного (-*li*). Тем самым переходный глагол, всегда выступающий в урартском языке с таким его значением, не может в этом языке получать форм непереходного. Поэтому субъектное построение переходного глагола (*ha-itu* «захватили-они») и объектное (*kiedanu-li* «послал-их») включаются оба в одну и ту же парадигму спряжения переходного глагола при одних и тех же отношениях к субъекту и объекту, что и получает свое выражение в устойчивости данной грамматической формы. Переходный глагол не может в урартском языке переключаться из одной системы спряжения в другую. Он получает субъектный показатель при множественном числе имени действующего лица и объектный при единственном числе этого имени. Оба эти показателя остаются показателями одной переходной парадигмы спряжения. Указанный строй спряжения переходного глагола лишается здесь залогового значения, которое, как увидим ниже, имеет место в приведенном выше чукотском примере.

В чукотском языке, наоборот, действующая парадигма спряжения, передавая отношение к объекту, не закрепляется за определенными группами глагола, как в урартском, и лексическое содержание переходного глагола не препятствует приобретению им непереходных форм. В чукотском выступает иная система вербальных парадигм. Одна из них содержит субъектно-объектные показатели, другая — только субъектные. Но это не парадигмы спряжения переходных и непереходных глаголов по их значению, как в урартском, а парадигмы переходных и непереходных форм спряжения, в которых передается отношение действия к субъекту и объекту или к одному только субъекту. Здесь семантика глагола урарчивает то устойчивое положение, которое было только что отмечено в урартском языке. Переходный по своему лексическому значению глагол получает непереходную форму, когда изменяется его отношение к объекту, утрачивающему полноту своего содержания. Общим парадигмам спряжения соответствуют разные падежи подлежащего. При субъектно-объектном спряжении подлежащее стоит в эргативном (творительном) падеже, при субъектном подлежащее ставится в именительном (абсолютном). Но это будут не падежи подлежащего при переходных и непереходных глаголах, как в урартском языке, а падежи подлежащего при переходных (субъектно-объектных) и непереходных (субъектных) формах глагола, так как в чукотском переходный по своему лексическому значению глагол, получая также и непереходную форму, сочетается с подлежащим, стоящим в именительном (абсолютном) падеже.

Когда в чукотском языке объект выступает прямым дополнением, глагол имеет двустороннее согласование: *Гымнан ты-пала-нат орым* «Я оставил нарты» («я оставил-их нарты»). Когда тот же предмет направленности действия сливается со сказуемым в едином инкорпорированном построении, объект снижается в своем значении до уточняющего действия обстоятельного слова, и глагол сохраняет лишь свое согласование с субъектом, причем изменяется также и падеж подлежащего: *Гым т-оры-пала-гъак* «Я нарты оставил» (местоимению 1-го лица *гым* соответствуют глагольные префикс и суффикс: «я-нарты-оставил-я»). В этом случае глагол с его лексической семантикой переходного действия получил непереходную форму. Этот глагол, при изменившемся содержании объекта, перешел из одной парадигмы спряжения в другую, а именно в ту, по которой спрягается глагол, непереходный по своему значению. Переключившись в другую парадигму спряжения, глагол обрел своими аффиксами (*т-...-гъак*) согласует с подлежащим, стоящим в именительном (абсолютном) падеже. Ср. *Гым т-оран-пала-гъак* «Я нарты оставил» и *Гым т-экват-гъак* «Я отправился». Переходный по своей семантике глагол получил то же оформление и вступил с субъектом в те же отношения, что и глагол непереходного действия.

В чукотском языке отношения действия к объекту отражаются на всей структуре предложения. Грамматическая форма глагола определяется не его семантикой, а положением объекта, с которым один и тот же глагол входит в разные отношения. В этих синтаксических конструкциях уже выступает вербальная категория залога, но не действительного и страдательного, как в индоевропейских языках, а своя, свойственная данной системе языка, меняющая падежи подлежащего в связи с переходными и непереходными построениями одного и того же глагола. Следовательно, залог получает в каждой языковой системе свои отличия и устанавливается по ее действующей структуре.

Вербальная категория залога не может оказаться однородной во всех языках, если структура этих языков различна. Расхождения имеются не только в лексическом составе словаря, в фонетике и оформлении слова (морфология), но также и в построениях предложения, в способах передачи синтаксических отношений между словами и в самих этих отношениях. Нет общей схемы не только в построениях глагола, но и в фор-

мально устанавливаемых связей его с другими членами предложения. В каждой языковой системе вырабатываются свои правила построения предложения и оформления выступающих в нем слов.

Длительный исторический путь развития каждого языка вырабатывает действующие в нем нормы и вносит в них соответствующие изменения. Диахронный разрез связан тут с синхронным анализом, так как всякие изменения внутри языкового строя включаются в ту общую систему, которой характеризуется язык на определенном этапе его развития. Этой же системе подчиняются и сами изменения, видимые в слагаемые элементы грамматических категорий. Тем самым удается установить ведущие признаки, выделяющие каждую систему. Н. С. Трубецкой, отмечая шесть структуральных признаков, объединяющих индоевропейские языки, включает в их число единство грамматической формы подлежащего при переходных и непереходных глаголах¹. Это один из признаков, характеризующих данную систему языка. Но по тому же признаку эта система противопоставляется другой, в которой нет единого падежа подлежащего при переходных и непереходных формах глагола. Выделяются и такие системы языков, в которых падежи подлежащего различны. В число этих языков включается урарский, что и заставило меня прибегнуть к типологическим сопоставлениям для уточнения его действующего строя. Беря в основу типологию структуры предложения, пришлось остановиться на той его конструкции, в которой единый падеж подлежащего отсутствует.

Такой конструкции присваивается наименование эргативной. Этот термин введен А. Дирром, усмотревшим в одном и том же языке (грузинском) три типа конструкций предложения, выделяемых по падежу подлежащего: 1) номинативную с именительным падежом, 2) эргативную с эргативным падежом активного деятеля, 3) дативную с дательным падежом². Я придал тому же термину более широкое содержание, основываясь на том, что синтаксический строй определяется всем комплексом его слагаемых частей, рассматриваемых не изолированно, а в их взаимной связи. Их совокупность позволяет выделить цельную систему. Одною из таковых и является эргативная. Эргативная конструкция характеризуется выделением особой грамматической формы имени активного производителя продуктивного действия, что получает свое выражение не только в особых падежах подлежащего, но и в глагольной аффиксации. В абхазском языке эргативный падеж отсутствует, но строй предложения остается эргативным, так как показатели эргативности перенесены на глагольную аффиксацию (см. приводимый ниже пример из абхазского языка, где имена остаются падежно не оформленными). Следовательно, выделение одного лишь активного падежа, как бы оно ни было характерно для данной конструкции, все же недостаточно для ее наименования эргативной.

Эргативная конструкция к тому же характеризуется не столько наличием особого эргативного падежа, сколько самой системой падежных противопоставлений. Выше уже приводились соответствующие примеры из аварского языка, в которых падежами подлежащего оказались творительный, именительный, дательный, местный. В этой конструкции предложения все перечисленные падежи выступают падежами эргативной конструкции, так как все они оказались падежами подлежащего и противопоставляют одни предложения другим по их грамматическому оформлению. В число этих падежей эргативной конструкции вошел также и именительный. Но он получает тут иное содержание, чем в индоевропейских языках. В этих последних именительный выступает единым падежом подлежащего, тогда как в языках с эргативной конструкцией предложения именительный падеж оказывается единым падежом прямого дополнения и используется для передачи подлежащего только в предложениях непереходного действия.

Каждой системе свойственны свои парадигмы склонения имен и спряжения глаголов. Во многих языках глагол полисинтетичен, ибо включает в свои показатели не только субъект и прямой объект, но также и косвенный объект; ср. абхаз. *ag'atsa at'ssaqha ata i-i-i-goyt* «мужчина женщине лошадь (коня) берет». Стоящие перед глаголом имена лишены падежных окончаний, глагол же синтезирует отношения к ним: *i-i-i-goyt* «его-ей-он берет». Индоевропейскому глаголу такое построение не свойственно³.

Падежи имен также имеют свои особенности. Родительный падеж в эскимосском языке и в лакском выступает в качестве падежа подлежащего при переходных формах глагола. В дательном падеже во многих языках Кавказа ставится подлежащее при глаголах чувственного восприятия. Творительный падеж в аварском и чукотском также используется для выражения подлежащего. В именительном падеже языков эргативного строя предложения ставится прямое дополнение и подлежащее непереход-

¹ См. N. S. Trubetzkoy, Gedanken über das Indogermanenproblem, «Acta linguistica», vol. I, fasc. 2, Copenhagen, 1939, стр. 85.

² См. A. Dirr, Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen, Leipzig, 1928, стр. 75—76.

³ Если даже считать префиксами связанные с глаголом местоимения во французском языке, то все же они выступают не показателями субъекта и объекта, а ими самими: *tu-les-connaiss* «ты их знаешь»; *tu-m'assassines* «ты меня убиваешь»; *je-le-lui-disais* «я это ему сказал» и т. д.

ного действия¹. Этим данный именительный падеж отличается от именительного падежа индоевропейских языков.

Эргативная конструкция предложения, так же как и другие синтаксические конструкции (в том числе и номинативная), является одним из признаков, по которым группируются разные языки и который поэтому может оказаться общим для ряда неродственных языков, какими и оказываются те языки, синтаксические построения которых приведены мною. Каждый из этих языков характеризуется особенностями синтаксических построений и связанных с ними элементов морфологии. Общность основной схемы эргативного предложения вовсе не устраняет наличия известного рода расхождений в структуре языков, использующих данную схему. В урартском, как и в аварском, падежи подлежащего зависят от семантики глагола, но падежами подлежащего в урартском выступают только два, тогда как в аварском их четыре. Морфология в урартском, как и в других языках, выполняет задания синтаксиса, но падежи подлежащего соотносятся здесь с переходными и непереходными глаголами по их лексическому значению. В чукотском же языке падеж подлежащего связан с грамматическими формами глагола, и переходный глагол переключается в парадигму спряжения непереходного в зависимости от своих отношений к объекту, что не свойственно урартскому. В абхазском языке отсутствует склонение имен, и основа эргативной конструкции выступает в развитой префиксации глагола (пример приведен выше). В лезгинском, наоборот, глагол лишен не только классных показателей, но и личных, и выражение эргативного строя сосредоточивается в системе падежных окончаний: *Зи балл'ан галат'на* «Моя лошадь устала»; *Балл'анди зи ник барбат'на* «Лошадь мое поле потоптала (попортила)». Оба глагола (*галат'на*, *барбат'на*) имеют одинаковое оформление (стоит в прошедшем I). Подлежащие поставлены в разных падежах: *балл'ан* (именительный), *балл'ан-ди* (активный). Некоторые языки проводят согласование посредством классных показателей и личных (даргинский), некоторые — только посредством классных (аварский) и т. д.

Каждый язык на любом этапе его исторического развития выступает единой системой связанных между собой грамматических категорий. Даже такие основные разделы языка, как фонетика, лексика, морфология и синтаксис, не остаются в их полной изоляции. На проблеме «взаимопроникновения фонетики, морфологии и синтаксиса» остановился К. Л. Пайк в своем докладе на VIII Международном лингвистическом конгрессе². На это указывал и Ф. де Соссюр³. К тем же выводам приводят и приведенные выше типологические сопоставления. Что же касается морфологии, то она (в ее словоизменительной части) оказывается, так же как и лексика, материальной основой для синтаксических построений.

Тем самым получает свое обоснование выдвигание синтаксиса на принадлежащее ему ведущее место в построении предложения и оформлении выступающих в нем слов. В то же время синтаксис не является самоцелью в научных исследованиях и не должен отрываться от остальных основных разделов языка. Наоборот, он сливается с ними, выступая на материальной базе фонетики и морфологии и вместе с ними оформляя используемые слова в общих для них заданиях речевой коммуникации. Основные элементы синтаксиса смыкаются тут с крайним разнообразием средств морфологии, передают ими различные отношения между словами предложения, опираясь также на лексическое содержание слов. В итоге получаются не одна, а несколько синтаксических систем. Углубленное их изучение — задача будущего.

И. И. Мещанинов

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 17 по 19 февраля в Одесском институте им. К. Д. Ушинского состоялась научная конференция кафедр русского и украинского языкознания пединститутов УССР, созванная Министерством народного образования Украины⁴. На конференции присутствовали делегаты 19 пединститутов, а также учителя средних школ г. Одессы.

На пленарных заседаниях и на секциях русского и украинского языков было заслушано около 30 докладов. Доктор филол. наук В. Н. М и г и р и н (Симферополь) выступил с докладом на тему: «Вопрос о фонеме в связи с проблемой знаковости языка». Остановившись на существующих в современном языкознании расхождениях в пони-

¹ В описательных и научных грамматиках не всегда учитывается та же содержательная названного падежа, что отражается на неустойчивости присваиваемого ему термина. В палеоазиатских языках этот падеж именуются абсолютным, но в кавказских он же сохраняет название именительного, хотя и выступает со всеми отмеченными выше свойствами падежа эргативной конструкции предложения.

² «Reports for the Eight International congress of linguists», vol. II, Oslo, 1957.

³ См. Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 131—133.

⁴ По информации М. К. Мартыновской.